

УСТНОЕ ПРЕДАНИЕ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ XI – НАЧАЛА XII ВЕКА

Аннотация: В статье рассматривается проблема воздействия устной традиции на процесс становления летописного жанра в древнерусской литературе XI – начала XII в. Путем обобщения немногочисленных письменных свидетельств и этнографических параллелей реконструируется типология традиции, состоявшей из эпоса, прозаических преданий и генеалогий. В славянском раннегосударственном обществе не развились традиции «официальной» рецитации устного династического предания. В связи с этим сохранение и трансляция устной истории оставалась в большей степени семейным делом. В распоряжении летописцев были родовые предания правящих и знатных домов. Прежде всего, летопись отражает предание новгородской боярской семьи Остромировичей, ставшее стержнем повествования о ранней истории. Эта традиция о начале Руси, полученная отдельными фрагментами в ходе бесед двух поколений летописцев и двух представителей рода, стала «официальной» и общепризнанной только благодаря Повести временных лет. Вместе с тем, в летописании отражается разнообразие форм устной традиции. Начальный свод и Повесть временных лет включают отсылки к местным преданиям, фрагменты песенного эпоса. Часть такого рода информации могла быть почерпнута из личной памяти летописца, причем известна нам преимущественно в одной версии. Это следует учитывать историкам, когда речь идет об использовании стоящих за летописью преданий как источника. Для исследования же исторической памяти, взаимосвязи письменного и устного, зарождения жанра историописания данный пример представляет несомненный интерес.

Ключевые слова: летописание, устная традиция, предание, эпос, генеалогии, Древняя Русь, Повесть временных лет, Начальный свод
Об авторе: Алексеев Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, Российская Федерация, г. Химки, Библиотечная ул., 7, ipo1972@mail.ru

Проблема становления на Руси жанра средневекового историописания не обделена вниманием специалистов. В первую очередь, литературному генезису русских летописей, их образцам, письменным источникам и жанровому становлению посвящен поистине необозримый круг работ¹. Данная статья посвящена другому, как представляется, не менее существенному аспекту жанровой эволюции – переходу от устной исторической памяти к письменной. В такой постановке вопроса нет ничего принципиально нового. Однако автора этих строк занимает не столько сам факт использования устных источников в письменном тексте, сколько обстоятельства этого использования.

Собственно, исследование отражения эпоса и преданий в русских летописях – тоже далеко не периферийная научная тема как для историков, так и для филологов. Ей посвящены специальные исследования [27; 13; 6; 2; 31], уделено существенное место в работах общего плана [15; 5; 22].

В конце концов, среди специалистов, пишущих о рождении русского летописания, стало нормой отмечать наличие в нём «народных преданий», «устных хроник», без детального анализа с только самыми общими выводами. Можно согласиться с тезисом И.Н. Данилевского: «пока не будут строго определены и сформулированы критерии, позволяющие отличать тексты, восходящие к фольклорным преданиям, от тех, в основе которых лежат письменные произведения, решение этой проблемы будет оставаться в области интуитивных догадок» [10: 87–88]. Но согласие будет лишь частичным, поскольку исследователь продолжил: «до сих пор не разработана методика, позволяющая вычленивать в известных текстах информацию, восходящую к устным источникам» [10: 88].

Между тем, имеются весьма серьезные и актуальные разработки по методологии и методике исследования устной традиции, её взаимодействия с письменной. Это, прежде всего, теория устной традиции Я. Вансины [36] и обнов-

¹ Среди последних наиболее значимы: [7; 17].

ленная версия «устно-формульной» теории Дж.М. Фоули [32; 33; 34; 35]. Российская наука независимо подходила к во многом сходным постулатам (см., например: [1; 20]).

Суть проблемы скорее в том, что предоставляющая широкий выбор методов теория не получает творческого воплощения и развития практикой. Даже в работах, сознательно ставящих целью анализ отражения славянской устной традиции в раннеписьменной, рассматривается далеко не полный спектр возникающих в связи с этим вопросов. Внимание обычно сосредоточено больше на механизмах литературной интерпретации традиции, чем на реконструкции и понимании пути традиции к «записи». Этот упрек почти в полной мере автор относит и к собственной работе 2006 г., но не только. С другой стороны, авторы исторических и филологических работ нередко сосредотачиваются на решении литературоведческих и текстологических задач. То, что при этом забывают о характере отраженных в летописи устных источников, хотя те и признаются, не может не влиять на выводы.

В наиболее фундаментальной из последних работ, посвященной истории текста «Повести временных лет» [17], автор сосредоточился на текстологии гипотетического «Древнего сказания». Вопрос об устных источниках даже этого памятника он оставил за пределами рассмотрения. Впрочем, традиционно отмечается наличие у летописцев родовитых информантов – Мстиши (для Древнего сказания), Яня Вышатича (для Начального свода). Между тем, постановка вопроса о жанре и сюжете устных источников искомого «Сказания» является ключевым для самой гипотезы. Не менее важно для неё и уяснить, *как и зачем* передавалась отражённая в реконструируемом сочинении традиция. И это замечание тоже может быть отнесено к более ранней работе автора этих строк [19].

Серьезную, методологически фундированную попытку рассмотреть проблему применительно ко всем (включая латиноязычные) славянским историческим традициям,

предпринял А.С. Щавелёв [31]. Однако небольшой объём работы позволил ему скорее обозначить вопросы, чем предложить собственные решения. Авторские гипотезы касаются более генезиса традиции и отдельных сюжетов, чем обстоятельств её бытования и «записи». Между тем, эти вопросы первичны. Отталкиваясь от реально имеющих у нас текстов, их невозможно миновать или счесть по умолчанию решёнными.

Первый вопрос, на который надо ответить – как и кто передавал устную традицию исторического содержания? В связи с этим следует определить её жанровый состав и жанровые границы. В летописях немало сведений о том, что «говорят» (часто «невежественно») – в основном в связи с различными местными реалиями или присловьями-«притчами». Это отражение самого распространенного и естественного жанра исторического фольклора – прозаического предания. Известно, что во многих архаических обществах складывались «официальные» формы такого предания, часто изучаемые и исполняемые специализированно. Насколько было так у славян, неясно.

В сравнение можно указать на пример сербских земель Раннего Нового времени, сохранявших немало культурной и социальной архаики (особенно Черногория и в целом Приморье). Здесь устное предание было часто важнейшим источником знания о прошлом. Основными его знатоками являлись старики и эпические певцы-гусяры, использовавшие предания как комментарии к песням. Отдельные родовые предания, циркулировавшие среди знатоков и передававшиеся ими молодежи, создавали коллективную традицию общины или племени. Определенную степень «официальности» такой традиции придавало её хранение местной родовой знатью и высшим духовенством.

Второй важнейший жанр, сохраняющий информацию о прошлом, – устные генеалогии и перечни. Свидетельством их существования в Древней Руси могут служить довольно обильно представленные в летописании перечни (но не

генеалогии) правителей [см.: 7:277–290]. Для бесписьменного общества именно перечисления поколений задают концепт времени и преемства. Традицию рецитации короткой княжеской родословной иллюстрируют произведения первых русских писателей XI в. – Илариона и Иакова Мниха. Оба одинаково вводят Владимира Святого в свои похвальные слова как «сына Святослава, внука Игоря» [16:591; 21:418]. Достойно замечания, что полтора века спустя точно по той же схеме вводится Игорь Святославич в заголовке «Слова о полку Игореве» – наиболее «устного» по духу древнерусского памятника. Вместе с тем, у южных славян в Новое время фольклористами отмечены «долгие» генеалогии, восходящие к Средневековью.

Основным и фактически единственным источником о бытовании песенной традиции в конце XII – начале XIII в. является то же «Слово», само называемое «песнью». Оно упоминает о песнях на исторические сюжеты, приписываемых песнотворцу-гуслиарю конца XI в. Бояну, и приводит «цитаты» из них. Кроме того, в упоминании мифических «веков Трояновых» и легендарного «времени Бусова» можно видеть намёк на существование эпоса иного, менее историчного содержания. Жанровую границу между тем и другим автор «Слова» вряд ли проводил – для него мифология естественно переходит в историю Руси. Упоминание о «песнотворцах» как носителях, наряду с «летописцами», исторической традиции имеется также в одном из «слов» Кирилла Туровского.

В позднейшем русском эпосе в роли певцов или сказителей (как правило, весьма возвышенно рисуемых) выступают персонажи трех типов. Это могут быть странники-паломники («калики перехожие»), скоморохи или наделённые талантом живущие иными делами люди (как купец Садко). Стоит отметить, что певец в эпосе почти всегда поёт под музыку (часто под гусли), что является древней деталью, не соответствующей ситуации Нового времени. Из позднейшей практики известно, что калики являлись

создателями и исполнителями в основном духовных стихов. Что же касается роли скоморохов в истории русского эпоса, то она ввиду недостатка свидетельств о них как таковых разрослась в полуторавековую дискуссионную проблему.

По её поводу можно сказать только следующее. Реально известные немногие источники по XVIII в. не знают иных исполнителей эпоса. Это не значит, что их не было, – это значит, что образованному слою они были неизвестны или малоизвестны, в отличие от скоморохов. В этой части теория А.С. Фаминцына (см.: [29]) зиждилась на прочных источниковых основаниях. Многие же опровержения её зиждятся на основаниях идейно-социальных, к тому же ложно понимаемых. Ведь наличие профессиональной группы сказителей на деле не противоречит «народности». Таковы сербохорватские гуслиры². При этом их репертуар мог запоминаться и исполняться людьми как «из народа», так и из высших социальных слоев, не исключая духовенство и знать. Было бы скорее странно, если бы на Руси, в отличие от всех остальных стран средневекового мира, профессиональных бродячих сказителей не было. Столь же нелогично считать, что они составляли бы обособленную от единственно известных бродячих «артистов» группу. «Песнотворцы» могли составлять их элиту.

Между тем, в отечественной науке 1950-х – 1970-х гг. шли дискуссии о том, являлся ли полулегендарный Боян певцом «подлинно народным» или «придворным» и «бравурным». Мотивации этого спора ясны и вненаучны, но некоторое рациональное зерно он имел. Являлись ли «песни Бояна» авторской устной «поэзией» (используя термины Я. Вансины), заучивавшейся наизусть, или «эпосом», открытым для импровизации? Примеры первого в Европе известны, например, поэзия скальдов, бардов, но локальны. В «Слове» Боян описывается как импровизатор, ми-

² Название югославянской гуслы этимологически тождественно названию древнерусских гуслей.

стически, на взгляд свой и автора, пересоздающий песни при каждом исполнении. Как передавались приписываемые Бояну песни в XII – XIII вв., нам неизвестно, но едва ли дословно. Скорее их надо рассматривать как часть эпической традиции, напоминавшей репертуар сербохорватских гусяров Нового времени.

Предание, эпос и родословие сливаются в «мифе происхождения», центральным персонажем которого является культурный герой-предок. Однако в средневековых текстах миф не сохраняется в своем первозданном виде, а подвергается рационализации. Ясно, что природа некоторых летописных сказаний именно такова, но их реконструкция – отдельная научная задача (см.: [2:203–211; 31:105–126]).

Из всей устной традиции о прошлом наизусть могли заучиваться и подлежать социальному контролю только генеалогии. Однако, по данным о других генеалогических традициях мира, в реальности родословные очень изменчивы. Наши примеры показывают, что чаще всего публично рецитировалась наиболее актуальная их часть, включающая три поколения: «А, сын Б, внук В». Всё более раннее или побочное для исполнителя в данный момент могло забываться или сознательно редактироваться. При необходимости подробного «рассказа» генеалогический ряд раскрывался и комментировался отдельными прозаическими преданиями или песнями. Насколько «официальным» и контролируемым властью или обществом было такое исполнение у славян, было ли оно частью каких-либо ритуалов, мы не знаем. Возможно, «похвалы» Илариона и Иакова Мниха близки к первоначальной форме «официальных» исполнений. Но это памятники уже новой христианской литературы, в византийском жанре энкомия.

Представив в общих чертах обстоятельства бытования устной традиции, перейдем к следующему вопросу: кто передавал традицию летописцам Древней Руси? Едва ли они имели возможность регулярно общаться на эту тему с князьями – в летописях никаких ссылок на свидетельства

князей, сверхавторитетные по определению, нет. Следовательно, родовая традиция самих Рюриковичей оставалась для летописцев малодоступна. В летописях давно выявлены поэтические фрагменты, соотносимые с ритмикой и стихом «Слова» и фольклорных песен. Но от кого они были «записаны» – точнее, услышаны и затем воспроизведены? Роль «калик» в передаче светского эпоса, для этого времени тем более, под большим вопросом. Со скорморохами, которые ассоциировались с язычеством и буйством, духовным лицам общаться не рекомендовалось. Об отношении к придворным «песнотворцам» в Печёрском монастыре, центре летописания, свидетельствует эпизод из «Жития Феодосия Печёрского». Преподобный добился от князя Святослава Ярославича, чтобы тот удалял от себя «играющих» при каждом его визите [11:380].

Таким образом, наиболее вероятным источником информации для летописцев были отдельные знатоки преданий из среды знати. Сведения от них поступали в частных беседах, для которых, конечно, находилось немало поводов. Автор Повести временных лет (далее ПВЛ) пишет о результатах таких разговоров, поминая своего собеседника, старого боярина Яня Вышатича (1016? – 1106): «Отъ него же и язъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ в лѣтописаньи семь» [23:281; 24:257; 26:102]. Естественно, что такая «запись» могла носить как целенаправленный, так и совершенно случайный характер. Янь вряд ли рассказывал летописцу историю Руси, своего рода или своей жизни – он время от времени рассказывал *о ней*.

Здесь уместно коротко сказать о времени начала исторического описания на Руси и вспомнить об уже упомянутой гипотезе «Древнейшего свода» или «Сказания» конца X или первой половины XI в. Нынешняя точка зрения по данному вопросу сформулирована мною в статье [3] и в онлайн публикации³ [4]. Древнейшее или Древнее сказание (оно же Древнейший свод) конца X – первой половины XI в.,

³ Совместно с О.А. Плотниковой.

как представляется, – фантом, порожденный своего рода «магией письменного». Источник подобных фантомов – скепсис по отношению к «устности», подкрепляемый желанием повысить достоверность источников. Известное оправдание для скепсиса – слабые междисциплинарные связи, недостаток информации о сравнительном материале по бытованию устных традиций. Но даже оставаясь в пределах текста летописи, мы видим цепь сюжетно связанных преданий, актуально привязанных к «сему дню» – второй половине XI в. Единственными исключениями являются упоминания названного Мстиши⁴ и захоронения перезахороненного в 1044 г. князя Олега Святославича под Овручем (но упоминается лишь курган, «могила» — необязательно содержащая останки). Фантомность «Сказания» усиливается еще и тем, что единого мнения о его жанре, границах, содержании, мотивах создания и дате не существует. Один и тот же исследователь может передатировать его в диапазоне от 1010-х до 1040-х гг. [18], а общая разница в датировках достигает более чем полувека.

Таким образом, первым реально известным историческим сочинением на Руси являлся т.н. Начальный летописный свод (далее НС). Он сохранился в составе Новгородской первой летописи младшего извода, где доведен до 1074 г. – рассказ о смерти Феодосия Печёрского [25:103–201, 511–558]. Его русские письменные источники ограничивались наиболее ранними житийными памятниками. Из них уже были созданы «Память и похвала Владимиру» Иакова Мниха и его же текст о Борисе и Глебе, тождественный или нет ныне известному «Сказанию». При этом «Память», сама основанная на устных рассказах «многих» [21:418], не вызывала у летописца доверия и использовалась крайне ограниченно.

При определении источников и обстоятельств преобразования устного предания в летописный текст следует

⁴ Но оно, как будет показано, объяснимо и без письменного «Древнего сказания».

исходить в первую очередь из *традиционной* природы самой летописи. Летописец, человек раннеписьменного общества, как и устный рассказчик, имел все основания полагать, что его читателям понятен *контекст* им сообщаемого. Аллюзий на общеизвестные предания или политические обстоятельства это касалось в ещё большей степени, чем изысканных параллелей со Священной историей, которых немало в НС.

Начальный свод анонимен, но позволяет представить многие черты автора и историю создания. Автор, чрезвычайно образованный человек, читавший в оригинале греческие хроники, начал делать летописные записи в 1050-х или даже 1040-х гг. в Киеве. В 1064 г. его внимание смещается в Тмутаракань, и он панегирически описывает короткое княжение здесь Ростислава Владимировича. Затем, после его смерти, центром действия снова становится Киев. Последнее событие политической истории, отмеченное в дошедшем до нас тексте НС, – осуждаемый захват Киева князем Святославом Ярославичем в 1073 г. Далее следует статья 1074 г., написанная очевидцем. Текст получил окончательное оформление не ранее начала 1080-х гг. Часто принимаемая за факт датировка НС 1090-ми гг. обоснована лишь стилистической и тематической перекличкой с текстами ПВЛ за это время. Отсюда делается вывод, что в Новгородскую летопись текст вошел не полностью, – но такая аргументация не кажется веской.

Всё указывает на вполне конкретного автора НС, кроме сильно выделяющейся последней статьи. Никон Великий, первый печёрский иеромонах, переводчик с греческого, при Ростиславе жил в Тмутаракани и пользовался его покровительством. После смерти князя он вернулся в Печёры, но после переворота 1073 г. не пожелал оставаться в Киеве. При этом он мог оставить свой труд кому-то из братии, дополнившему НС статьей о кончине настоятеля. В 1077 г. Никон вернулся в обитель и через год стал игуменом. После этого НС, видимо, был набело переписан.

Важно отметить, что явно оппозиционный к большинству современных князей НС был *неофициальной* летописью – личным делом прославленного книжника. Идея об авторстве Никона для части летописного текста, конечно, не нова.

Откуда почерпнута возвышенная и героическая, ясно отражающая взгляды дружины картина истории ранней Руси в НС? Одного своего устного информанта Никон называет прямо в статье 1071 г. в связи с рассказом о его собственных деяниях [25:192–194]. Это уже упоминавшийся Янь Вышатич, друживший с Феодосием Печёрским и щедрый к монастырю. Первые игумены Печёр Варлаам и Феодосий оба были выходцами из боярско-дружинной среды. Среди монахов того времени в ПВЛ упоминается старец Еремия, будто бы помнивший Крещение Руси [23:189; 24:180; 26:78] – о чём, следовательно, рассказывал. Рассказ о крещении киевлян в НС весьма детален и жизнен. Однако наибольшее внимание привлекает факт общения Никона в Тмутаракани с князем Ростиславом Владимировичем и его окружением. Первым боярином князя являлся Вышата Остромирович, отец Яня.

Одно из наиболее явных дополнений НС к писаной на тот момент истории Руси – продление княжеской родословной до не упоминаемого ни Иларионом, ни Иаковом Рюрика, отца Игоря. Однако Никон не был первым, кто вспомнил в «публичном пространстве» Руси о главном персонаже «варяжской легенды». Еще в 1050-х или начале 1060-х гг. Ростислав Владимирович дал имя Рюрик своему старшему сыну и наследнику. Тогда Ростислав еще не княжил в Тмутаракани, а жил в Новгороде, уделе покойного отца, на положении почётного пленника своих правивших Русью дядьев-Ярославичей. Имя Рюрика до этого среди «Рюриковичей» не воспроизводилось ни разу, а после – лишь один раз.

Связь появления имени «Рюрик» в семье Ростислава Владимировича и на страницах сочувствующего ему НС

очевидна. Только избыточным увлечением «норманнской» дискуссией с характерным для неё невниманием к частностям можно объяснить то, что обычно мимо этого факта проходят. Сказание о прибытии Рюрика в Новгород исходило от окружения Ростислава или от него самого. Древняя родовая память, связанная с местом княжения отца, подчеркивала старшинство самого Ростислава (ср.: [14: 15]). Как эта память была интерпретирована до летописи и в летописи – вопрос другой.

Определённо можно сказать, что летописцы не были вольны расширять княжеское родословие именами, во все в нем отсутствовавшими. Само использование имени легендарного предка Ростиславом теряло смысл, если бы имя было неизвестно родичам. Однако, с другой стороны, нет никаких даже косвенных свидетельств тому, что летописная версия княжеской родословной была принята как «официальная» до времен Владимира Мономаха. А вне летописей она проявляется только к концу XIV в.

Во время же тмутараканского княжения Ростислава и тем более после его смерти предание о призвании новгородцами *Рюрика* рождало ассоциации с единственным князем, носящим это имя. Ростислав, выращенный новгородской знатью, имел основания считать Новгород своей и сына отнятой отчиной. Его новгородские сторонники имели столько же оснований вспоминать о праве самим избирать князей, дважды отмечаемом в НС, невзирая на волю Киева и лестничный порядок наследования. В НС этому праву обязана своим происхождением династия – в лице Рюрика и в лице Владимира Святого.

Только ли сказание о Рюрике было «записано» от информанта из окружения Ростислава? Даже часто противопоставляемое ему как «народное» сказание о Кие, основателе Киева, на самом деле параллельно и по содержанию, и по оформлению. Два сказания являются двумя смысловыми центрами единого повествования о «начале Русской земли» под 854 г. [25:104–106]. Оба повествуют о трех

братьях, причем в обоих, что необычно для внимательной к родословиям традиции, у братьев не назван отец. Оба организованы ритмически, причём весьма сходно, со «строками» в 7–11 слогов, аллитерациями, внутренними рифмами и частыми «И» в начале «строк». Фразы, вводящие братьев, близки даже фонетически, образуя род звуковой формулы: *И быша три братия – Изъбрашася три брата*. Это не рука самого летописца – его поэтическая манера совершенно иная. В начале НС собственное его рассуждение о Кие и величии Киева оформлено ритмически. Но ритм иной, ближе к свободному стиху литургической поэзии.

Информант, передавший сказания о Кие и Рюрике, не столько сопоставлял, сколько противопоставлял их. Кий – автохтон, а Рюрик – пришелец. Кий основывает город, Рюрик садится в существующий. Но после Кия его княжение приходит в упадок, его постигают «обиды», завоевания – пока из Новгорода не приходит сын Рюрика.

Так и всё повествование НС о ранней Руси последовательно и целостно, и целостность эта выражается, в том числе, в присутствии явной про-новгородской тенденции. НС проникнут подспудной идеей организующей и нецелимой князьями роли Новгорода в истории Руси. Именно этим НС привлёк новгородских летописцев. Раз за разом, от Рюрика до Ярослава, судьбы Руси решают новгородцы и их преданная князьям знать «от рода варяжска», потомки соратников Рюрика. В связи с последней сквозной темой нельзя не обратить внимание на образ воевод – верных соратников князей (ср.: [8]). Воеводы мудры, не всегда ко благу, но всегда мудрее князей; выступают как их советники и наставники. В этой роли один за другим – Олег, Свенельд, Добрыня. Все они – наиболее заметные после князей персонажи повествования. Свенельд – наиболее яркий из них – служит трём поколениям. Он назван в отношении Святослава, как раз в рассказе о мудром совете, который мог спасти жизнь князю, «воевода отень» [25:123]. Именно «воеводой отним» и сыном воеводы был для Ростислава Владимировича Вышата Остромирович.

Последнее указывает нам на личность основного информанта автора НС о древней истории. Свидетельства от Вышаты, конечно, корректировались и дополнялись сведениями иного, как устного, так и житийного, происхождения. Однако *концепция* и *структура* ранней истории от Кия до Владимира сформирована беседами Никона с Вышатой и Янем. Они по праву могут считаться соавторами этой части НС. Разговоры с ними – и есть *устное* «Древнее сказание».

Осознав это, вернемся к единственному объективному доказательству существования «Сказания» письменного – проходному упоминанию воеводы Свенельда как «отца Мстишина» без пояснений [25:110]. Его не без логичности толкуют как свидетельство о хорошо известном в конце X или начале XI в. лице, ставшем информантом автора «Сказания». Правда, при более поздних датировках «Сказания», в коих нет недостатка, вероятность такого объяснения начинает уменьшаться. Более резонно толковать это упоминание как отсылку к общеизвестному *контексту*, к генеалогическим сведениям, – вполне вероятно, отраженным в монастырских синодиках. Остромир родился не позднее начала 980-х гг. и вполне мог быть сыном Мстиши Свенельдича. Логичный вывод о том, что Мстиша был предком Остромировичей, делали еще А.А. Шахматов, а вслед за ним Д.С. Лихачев [15:103–114]. Однако у них он усложнен сведением в один родословный ряд всех центральных персонажей, включая Добрыню и его сына Коснятина, в НС не упоминаемого. Нужды в этом нет. То, что Остромир был «близок», свойственен князьям [28:14], может быть как-то связано с правившим в Новгороде дядей Владимира, но неясно, как именно.

Всё это ставит вопрос о *качестве* традиции, о том, какие изменения она претерпевала на пути к «записи». Первые сказания могут считаться общеизвестной «групповой» традицией, не касавшейся прямо семьи информанта и существовавшей не только в его памяти. Но с появлением

на сцене Свенельда «групповое» предание смешивалось до растворения с семейным, единственным хранителем и «контролером» которого являлся сам информант. Что-то, например, генеалогия князей, фрагменты дружинных песен, вносилось из «большой» истории, но схема самой этой истории выстраивалась по воле рассказчика. Рассказываемое зависело от множества факторов – личных убеждений набожных аристократов Остромировичей, их отношений с Никоном, настроения, целей, с которыми они говорили ему «слова». Последнее особенно важно, поскольку Вышата и Янь наверняка знали о работе Никона и не считали его интерес праздным. Затем сам Никон связывал узнанное воедино, а уже полученную картину, ставшую стержнем повествования, – с другими источниками, с собственными знаниями, мнениями и убеждениями.

Перед Никоном стояла задача преобразовать в общегосударственную историю серию семейных преданий. В целом он с этой задачей справился, в том числе благоразумно отодвинув семейство информантов на третий план повествования. Мстиша, Остромир, Вышата и Янь упоминаются в НС по одному разу. Но в то же время и в НС оставлены ясные намеки, указывающие на смысл стоящих за ним устных свидетельств. Упоминание нынешних «новгородских людей от рода варяжского» ведёт к Вышате, названному сыном «воеводы новгородского» Остромира. Роль Вышаты при Ростиславе отсылает к боярину с варяжским именем Свенельду, мудрому «воеводе отню» при Святославе и отцу Мстиши. Для современников и первых читателей НС всё это было не менее, если не более, ясно, чем аллюзии на Священную историю.

Дискуссии об авторстве самого известного памятника русского летописания, созданной в 1110-х гг. «Повести временных лет» (далее ПВЛ) — в традиции российской науки. Из трех летописей (две в ряде списков), сохранивших ПВЛ, в надписании двух (Ипатьевской и Радзивилловской) сказано, что она создана печёрским монахом [24:2; 26:11].

В Хлебниковском списке Ипатьевской летописи назван Нестор, известный как автор Жития Феодосия и Чтения о Борисе и Глебе. О Несторе как авторе общеизвестного «Летописца», которым может быть только ПВЛ, сообщает и Киево-Печёрский патерик [12: 38, 42]. С другой стороны, в Радзивилловской и Лаврентьевской летописях есть выходная запись 1116 г., после статьи 1110 г., заключающей ПВЛ, где автором или писцом назван игумен Выдубицкого монастыря Сильвестр [23:286; 26:103]. При этом из содержания статей 1106–1110 гг. однозначно следует, что созданы они в Печёрах.

Наиболее логичное разрешение дилеммы предложено еще А.А. Шахматовым и с тех пор стало традиционным: Нестор – автор ПВЛ; Сильвестр – её редактор. Никаких новых источников введено в научный оборот не было, и оснований для пересмотра этой позиции не хватает. Противоречия между ПВЛ и авторскими сочинениями Нестора объяснимы тем, что он не столько перерабатывал НС, кроме самого начала, сколько дополнял его. В ряде случаев он мог изменить свою точку зрения под влиянием НС, который, конечно, рассматривал как авторитетнейший источник. Итак, автор ПВЛ – Нестор.

Хорошее знакомство Нестора с устной поэзией явствует уже из заглавия ПВЛ [23:1; 24:2; 38:11]. Оно выстроено ритмически, причем с элементами стиха, хорошо известного по началу «Слова о полку Игореве» и фольклорным записям:

*Се Повѣсти времяньныхъ лет
Откуда есть пошла Руская земля
Кто въ Киеве нача первѣе княжити
И откуда Руская земля стала есть.*

Далее во вводной части Нестор оформляет уже явно «былинным» стихом собственную речь, когда говорит об основателе Киева Кие. Это не «запись» устного песенного фрагмента, какие можно угадывать в разных местах НС –

это именно собственное рассуждение автора. В нем есть небольшие прозаические перебивки, первая из которых – цитата из НС, с которой Нестор спорит:

*Ини же, не вѣдуци, рекоша,
Яко Киѣ есть перевозникъ былъ
У Києва бо бѣше перевозъ тогда
с вноя стороны Днѣпра, тѣмъ глаголаху: «На перевозъ
на Києвъ».
Аще бо бы перевозникъ Киѣ,
То не бы ходилъ ко Царюгороду;
Но сеи Киѣ княжаше в родѣ своемъ,
И приходившу ему к царю не свѣмы,
Но токмо о семъ вѣмы, яко
Велику честь приялъ есть от цара,
Котором не вѣм и
При которомъ приходи цари.
Идуцу же ему вѣпѣть, приде к Дунаеви,
И возлюбѣ мѣсто, и сруби городокъ малъ,
И хотѣше сести с родомъ своимъ,
И не даша ему ту близъ живуции;
Еже и донинѣ наричють дунаицы городище Києвъць
[23:9–10; 24:7–8; 26:13].*

Можно предположить, что услышанная или когда-то слышанная песнь на соответствующий сюжет здесь повлияла на личное творчество Нестора. Он вообще лучше предшественника знает предания Киевщины, включая топонимические. При этом его киевский «патриотизм» настолько заметен, что не вызывает сомнений в месте его рождения. В качестве одного примера можно вспомнить, что он «переносит» в Киев на Щековицу из Ладогои могилу Олега Вещего. Это побуждает его сообщить вполне языческое по духу предание о смерти князя, объяснение которого с христианской точки зрения стоило немалого труда [24:28–31; 26:22–23]. Большая часть добавленных им к ранней истории Руси сюжетов, несущих черты предания или эпоса,

связаны с Киевской землёй. Таковы сюжеты о походе Кия на Дунай, сожжении Ольгой Искоростеня, богатыре-кожемяке и основании Переяславля, «белгородском киселе». Некоторое исключение представляет «притча» об обрах и жителях Воыни дулебах. Но Нестор подчеркивает её общеизвестность «в Руси» [23:12; 24:9; 26:14].

Но вместе с тем автор ПВЛ – человек вовсе не «устной культуры». Он книжник, весьма образованный и начитанный. Круг чтения его шире, чем у автора НС. Библейскими книгами и византийскими хрониками, учительными сборниками и житиями он оперирует свободно. Можно не сомневаться, что речь идёт о человеке, рано получившем образование, и, скорее всего, большую часть сознательной жизни проведшем в монастыре.

Отношение его к «скомрахам» крайне негативное. Он добавляет их в перечень соблазнов в статье НС 1068 г.: где «гусли» уже были [23:170; 24:159; 26:72; ср.: 25:178]. Именно Нестор – автор «Жития Феодосия» с эпизодом изгнания святым придворных музыкантов. Мы лишены возможности достоверно реконструировать биографию Нестора. Но исходя из сказанного, можно допустить, что Нестор в юные годы живо интересовался устной поэтической традицией. Приняв постриг, он с убеждением принял и устоявшееся отношение к «игрецам»-полуязычникам. Может быть, воспринимая их и как *свой* соблазн. Но укorenившиеся в памяти сказания о прошлом сыграли роль в его обращении к летописанию. Очень вероятно, что значительная часть сведений, определяемых ныне как «фольклорные», попала в ПВЛ из личных мирских воспоминаний её автора.

Но у Нестора были, конечно, и информанты, с которыми он целенаправленно общался в процессе многолетнего, видимо, с 1090-х гг. написания ПВЛ. В первую очередь, это тот же Янь Вышатич, оценка вклада которого Нестором уже приводилась. Очевидно, речь идёт о целенаправленных расспросах, которые становились возможны благодаря

дружбе старого боярина с печёрскими отцами. Основной результат общения с Янем – детальный, со многими сюжетными подробностями, рассказ о правлении Ярослава Мудрого. Он явно имеет про-новгородскую тенденцию, что идёт скорее вразрез с пафосом других дополнений Нестора к НС. В статье 1043 г. о походе на Византию главным героем, противопоставленным неопытному князю Владимиру Ярославичу, выступает Вышата Остромирович [23:154; 24:142; 26:66].

На этом же отрезке под 1024 г. [23:147–148; 24: 135–136; 26:64] присутствует и поэтическая вставка о битве Ярослава и Мстислава при Листвене, в которой некоторые учёные хотят даже видеть «песнь Бояна» [30:107]. Боян, согласно «Слову о полку Игореве», действительно воспевал «храброго Мстислава» и был современником Нестора. Однако более вероятно, особенно с учетом общей тональности «песни», отнюдь Мстислава не прославляющей, что она тоже была передана Янем или кем-то из его приближённых.

Другим информантом Нестора был знатный новгородец, один из первых посадников начинавшей складываться боярской «республики» Гюрята Рогович. Нестор упоминает только одну беседу с ним о поездке его отрока в Югру [23:234–235; 24:224–225; 26:93], но контекст сообщения подразумевает более или менее длительное знакомство. По знатности Роговичи мало уступали Остромировичам, став через некоторое время после их ухода в Киев одним из двух-трех сильнейших семейств Новгорода. Независимо от того, насколько верна гипотеза о происхождении Роговичей от ладожского ярла Рёгнвальда Ульвсона [9], их скандинавские корни вероятны. Это позволяет заподозрить в дополнениях к повествованию НС о Рюрике – об основании им Ладоги и Новгорода, о варяжском племени «русь» – элементы их легенд. Конечно, это лишь предположение.

Итак, очертить происхождение попавшей в древнейшие летописи устной традиции и обстоятельства её «записи» в

целом возможно. Обобщая сказанное, сформулируем три существенных вывода:

1. Предания, попадавшие в произведения древнейшей русской литературы, «записывались» не от профессиональных исполнителей, а от более или менее осведомленных знатоков, чаще слушателей, чем рассказчиков устной традиции. Этот вывод несколько менее справедлив в отношении фамильных преданий, естественными носителями которых были старшие члены семьи (как Янь). Однако и форма фамильных преданий даже знатных родов гораздо свободнее, и вымысел в них гораздо вероятнее, чем в «официальной» государственной устной традиции.
2. Все «записи» сделаны не в ходе традиционного выступления рассказчика перед аудиторией, а по итогам частных разговоров, после которых полученные сведения «в летописание вписывались» – разумеется, по памяти и в обработанном виде.
3. Часть преданий, особенно местных киевских, могла быть почерпнута из памяти самого летописца, – конечно, сравнительно давней. Летописец при записи был полностью свободен от любого «социального контроля», и волен делать любые ошибки. Поскольку практически все предания такого рода известны нам только в его единственном варианте, это следует учитывать как историкам, так и филологам.

Родовая «устная хроника» как источник летописи существовала – но в значительной степени как мысленный конструкт самого летописца, созданный им для удобства своей работы из отдельных услышанных сюжетов. Однако всё-таки для этого было основание – комплекс устных рассказов из одного источника, с единым смыслом и подлежащей идеей. На этот стержень уже нанизаны сведения от иных информантов. Рационализация и христианизация архаической традиции, отмечаемая многими исследователями, в свете этого не кажется уже работой одних летопис-

цев. Всё это, конечно, следует учитывать историкам, когда речь идёт об использовании летописи, а фактически стоящих за ней преданий, как источника. Для исследования же исторической памяти, взаимосвязи письменного и устного, зарождения жанра историописания данный пример представляет несомненный интерес.

Литература

1. *Азбелев С.Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л.: Наука, 1982. 327 с.
2. *Алексеев С.В.* Предания о дописьменной эпохе в истории славянской культуры XI–XV вв. М.: Национальный институт бизнеса, 2006. 412 с.
3. *Алексеев С.В.* Первичная и вторичная источниковая традиция в образе князя Владимира // Историческое обозрение. Вып. 19. М.: Историко-просветительское общество «Радетель», 2018. С. 21–45.
4. *Алексеев С.В., Плотникова О.А.* Указатель сюжетов и мотивов устного происхождения в древнейших памятниках славяноязычной литературы [Эл. ресурс] URL: <http://ukazatel.iporadetel.ru/>
5. *Алешковский М.Х.* Повесть временных лет. Из истории создания и редакционной переработки. М.: Весь мир, 2015. 320 с.
6. *Белова О.В., Петрухин В.Я.* Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. М.: Наука, 2008. 280 с.
7. *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. 696 с.
8. *Гимон Т.В.* Янь Вышатич и устные источники древнерусской Начальной летописи // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. 2011. Устная традиция в письменном тексте. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013. С. 65–118.
9. *Гиппиус А.А.* Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А. А. Молчанова о происхождении посадничьего рода Гюрятиничей-Роговичей) // Slavica Helsingiensia. 2006. № 27. С. 93–108
10. *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.

11. Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. М.: Художественная литература, 1978. С. 304–390.
12. Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики. М.: Наука, 1999. С. 7–80.
13. *Котляр Н.Ф.* Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев: Наукова думка, 1986. 160 с.
14. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей: Династическая история сквозь призму антропониимии. М.: Индрик, 2006. 904 с.
15. *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.: Издательство АН СССР, 1947. 480 с.
16. *Митрополит Иларион.* Слово о Законе и Благодати // Памятники литературы Древней Руси. Вып. 12. М.: Художественная литература, 1994. С. 583–598
17. *Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М.: Индрик, 2011. 280 с.
18. *Михеев С.М.* К проблеме датировки перехода русского начального летописания от хронистики к анналистике // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2016. № 3 (65). С. 153–157.
19. Начальная летопись / пер. и комм. *С.В. Алексеева*. М.: Историко-просветительское общество, 1999. 192 с.
20. *Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 190 с.
21. «Память и похвала князю русскому Владимиру» Иакова Мниха // *Милютенко Н.И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси: Древнейшие письменные источники. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008. С. 417–434.
22. *Петрухин В.Я.* Русь в IX—X веках. От призвания варягов до выбора веры. М.: Форум; Неолит, 2014. 464 с.
23. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
24. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.
25. ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
26. ПСРЛ. Т. 38. Радзивилловская летопись. Л.: Наука, 1989. 180 с.

27. Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.: Академический проект, 2016. 495 с.
28. Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М.: Наука, 2000. 543 с.
29. Фаминицын А.С. Скоморохи на Руси. М.: Форум, 2015. 400 с.
30. Чернов А.Ю. Хроники изнаночного времени. СПб.: Вита Нова, 2006. 525 с.
31. Щавелев А.С. Славянские легенды о первых князьях. М.: Северный Паломник, 2007. 272 с.
32. Foley J.M. Traditional Oral Epic: The “Odyssey”, “Beowulf”, and the Serbo-Croatian Return Song. Berkley; Los Angeles; London: University of California Press, 1990. 430 pp.
33. Foley J.M. Immanent Art: From Structure to Meaning in Traditional Oral Epic. Bloomington: Indiana University Press, 1991. 278 pp.
34. Foley J.M. The Singer of Tales in Performance. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1995. 235 pp.
35. Foley J.M. How to Read an Oral Poem. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 2002. 256 pp.
36. Vansina J. Oral Tradition as History. Madison: University of Wisconsin Press, 1985. 258 pp.